

ПРОЛОГ

Рождество, Ливерпуль

1940 год

Поначалу Кейт решила, что видит сон, страшный сон, в котором окружающий мир вспыхнул и загорелся, а небо окрасилось в жуткие оттенки кроваво-красного цвета.

Перед тем как лечь в постель, она раздвинула светомаскировочные шторы, поскольку в полной темноте, без единого проблеска света она испытала бы приступ клаустрофобии, как если бы вдруг оказалась на дне глубокого колодца. Но теперь Кейт уже жалела о том, что не оставила шторы задернутыми.

Вид багрового неба поверг ее в ужас — оно выглядело чужим, словно сошло с обложек научно-фантастических романов, которыми так увлекался ее супруг. Кейт подумала, а не читает ли он сейчас что-нибудь подобное в армейском лагере в Шропшире¹.

Она заставила себя сесть на постели. Фосфоресцирующие стрелки будильника показывали половину третьего ночи. В это время ее муж уже должен спать. Наверняка небо над Шрусбери не отливает кровью и он не слышит отдаленных взрывов, от которых, кажется, вздрагивает дом, хотя живут они в Омскирке, а бомбы рвутся за много миль

---

¹ Шропшир — графство в Англии. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

от них, в Ливерпуле. И, уж конечно, загорелся не весь окружающий мир, а только Ливерпуль. Кейт подумала о Марте и ее маленьком домике неподалеку от доков Бутля¹. Сегодня ночью ожидался массированный налет, но Марта наотрез отказалась сменить Бутль на Омскирк.

— Это не очень-то честно по отношению к моим соседям, верно, девочка моя? — заявила она вчера, когда Кейт, проделав долгий путь до Бутля, убеждала ее уехать. — Имято некуда деваться, а чем я лучше?

— В таком случае берите с собой всех соседей, если дело только за этим.

Ради того, чтобы Марта оказалась в безопасности, Кейт готова была приютить у себя весь Бутль.

Руки Кейт дрожали, а сердце учащенно билось — верный признак того, что ей надо как можно скорее выкурить сигарету. Она специально не положила пачку на тумбочку рядом с кроватью, чтобы избежать искушения. Откровенно говоря, она вообще собиралась бросить курить — доставать сигареты стало дьявольски трудно, да и в общем-то Кейт отчетливо понимала, что вредит собственному здоровью, набирая полные легкие табачного дыма, пусть даже она его потом и выдыхает.

Спустя некоторое время, когда сердце уже готово было выскочить из груди, она сдалась, решив, что заснуть в таком состоянии ей все равно не удастся. Выбора не оставалось: придется спуститься вниз, чтобы выкурить сигарету и выпить чашку чая.

Выйдя на лестничную площадку, Кейт приоткрыла дверь в комнату Гарри и осторожно заглянула внутрь. Светлые волосы сына виднелись из-под вороха одежды, которой он укрылся, и до слуха Кейт донеслось негромкое сопение. Скорее всего, мальчику снилось, что он стал пилотом бом-

---

¹ Бутль (Бутл) — пригород Ливерпуля.

бардировщика или капитаном подводной лодки; он частенько рассказывал матери о своих наполеоновских планах.

— Я хочу, чтобы ты мной гордилась, мам, — говорил он.

— Я и так горжусь тобой, сынок.

Гарри исполнилось десять, и Кейт знала, что если эта ужасная война продлится достаточно долго и он успеет принять участие в боевых действиях, она непременно сойдет с ума. Ее старший сын, Питер, служил в военно-морском флоте, и она не имела ни малейшего представления о том, где он сейчас, поскольку его местонахождение было военной тайной. Люси, ее дочь, училась в Лондоне на медсестру, да и супруг Кейт почти наверняка пребывал в полной безопасности. Но тем не менее, его не было рядом с ней сейчас, когда она так отчаянно в нем нуждалась. Да и вообще, ей очень хотелось, чтобы вся семья собралась дома, особенно учитывая то, что Рождество уже не за горами.

Кейт закрыла дверь в комнату Гарри и на несколько мгновений прижалась лбом к прохладному дереву, надеясь, что сын проснется и тогда они смогут немного поболтать. Она приготовит чай, а потом заберется с ногами к нему на кровать, сунув их под одеяло, чтобы согреться его теплом. Ради такого счастья Кейт готова была даже отказаться от сигареты.

Но Гарри не проснулся. Кейт вздохнула и стала спускаться вниз. В коридоре стояла новогодняя елка — собственно, всего лишь несколько еловых лап с дерева, которое росло у них в саду, укрепленных в красной деревянной кадке и наряженных самодельными игрушками. Елочные гирлянды, в отличие от елки, настоящие, те самые, которые Кейт купила в первый год своего замужества, были развешаны по стенам гостиной. Увы, они не перемигивались разноцветными огоньками, поскольку несколько лампочек перегорели, а достать новые во время войны представлялось делом решительно невозможным.

Кейт поставила чайник на огонь и закурила, глотая дым с таким отчаянным наслаждением, словно это была ее первая сигарета в этом году. Чая оставалось всего несколько ложек, а талонами из продовольственной книжки она сможет воспользоваться только послезавтра. Кейт залила кипятком листья заварки, оставшиеся в чайнике, и принялась тщательно перемешивать их. Чай наверняка получится очень слабым, но это все-таки лучше, чем ничего.

Приготовив чай и накрыв чайник плотным стеганым чехлом, Кейт выключила свет и вышла наружу, где ее встретила сцена, которую можно было назвать воплощением самых страшных ее кошмаров.

Дом стоял на вершине холма — не очень высокого, но достаточно крутого, чтобы видеть, как в нескольких милях отсюда Ливерпуль стирают с лица земли. Кейт крепко зажмурилась и вновь, в который раз, подумала о Марте. В ушах у Кейт стояли крики и стоны раненых, пронзительный вой сирен пожарных машин и карет «скорой помощи», спешащих на вызовы. Перед ее внутренним взором, словно наяву, возникла стена яростного, всепожирающего пламени, руины, безжизненные тела погибших и провалы выбитых окон.

Она была там, в самом сердце этого ожившего кошмара, когда в доме зазвонил телефон. Быстро, но стараясь не шуметь, Кейт вбежала внутрь, закрыла дверь, наощупь пробралась в коридор и схватила трубку.

— Алло?

— Привет, родная, — зазвучал в трубке голос мужа. — Так я и знал, что ты не спишь. Кто-то из наших разбудил меня, чтобы сказать, что Ливерпуль опять бомбят, да еще перед самым Рождеством, вот я и решил позвонить тебе из штаба, хотя это строгойше запрещено. Если об этом узнает сержант Дрейпер, меня разжалуют в рядовые.

По голосу мужа Кейт поняла, что он улыбается. До войны он работал репортером, но в армии почему-то стал капралом финансовой службы. Мужу уже исполнилось сорок семь, так что вряд ли его пошлют на передовую, да и из страны он, скорее всего, не уедет.

Кейт привалилась спиной к стене и соскользнула по ней на пол.

— О боже, как же я скучаю по тебе! — всхлипнула она.

— Я тоже, родная. Но я постараюсь непременно приехать домой на Рождество, — преувеличенно бодрым тоном пообещал он.

— Правда? Нет, правда? — Кейт захлебывалась словами, но надеялась, что он поймет. — Люси тоже пообещала вырваться на денек. Будет замечательно, если вы сможете приехать домой.

— Кейт, давай не будем загадывать. Проклятье! Кто-то только что вошел в штаб. Мне придется удирать через запасной выход. Пока, родная.

Связь оборвалась.

— Пока, — прошептала Кейт. — До встречи.

Этой ночью ей так и не удалось уснуть. Она молилась: за мужа, детей, за Марту и всех обитателей Бутля, Ливерпуля и всего остального большого мира. Она молилась за немцев, ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей, которые почти наверняка сейчас испытывали на себе все ужасы столь же массивной бомбардировки в собственной стране.

Налет закончился только в начале шестого утра, взрывы бомб наконец перестали сотрясать землю, и вокруг вновь воцарилась тишина.

Кейт пролежала без сна еще пару часов, но потом ей захотелось в туалет, а также выпить чаю и выкурить еще одну сигарету, поэтому она выбралась из постели.